

Путеводитель *Itinerarium*
ко гробу *ad sepulcrum*
Господа нашего *Domini nostri*
Иисуса Христа *Iesu Christi*

Франческо
Петрарка

УДК 811.124

ББК 84 (0) 4

П 30

П 30 Франческо Петрарка

Путеводитель ко Гробу Господа нашего Иисуса Христа (Itinerarium ad sepulcrum Domini nostri Iesu Christi) / пер. с лат. Н.И. Данилиной, Л.М. Лукьяновой, Е.А. Разумовской. Предисл. Е.А. Разумовской. Вступ. ст. Н.И. Данилиной. – М.: Институт св. Фомы, 2019. – 128 с.

ISBN 978-5-9907661-9-8

УДК 811.124

ББК 84 (0) 4

© Институт св. Фомы, 2019

© Данилина Н.И., 2019

© Лукьянова Л.М., 2019

© Разумовская Е.А., 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие к переводу	4
Перевод географических названий в «Путеводителе» Ф. Петрарки.....	11
Путеводитель ко Гробу Господа нашего Иисуса Христа (<i>Itinerarium ad sepulcrum Domini nostri Iesu Christi</i>).....	19
Примечания к русскому переводу.....	100
Указатель географических названий	116
Указатель исторических и мифологических личных имён	122

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРЕВОДУ

Перевод представляет собой результат работы семинара по чтению латинских и древнегреческих авторов Саратовского государственного университета.

Не думаю, что есть необходимость обстоятельно представлять переведенного автора: если еще несколько лет назад Франческо Петрарка и был известен российскому читателю преимущественно как автор «Книги песен», сборника любовных стихов и певец Лауры (что, конечно же, не только не исчерпывает его значения, но и вынуждает однобоко судить о творчестве первого гуманиста Европы), то, благодаря выходу в 2016 году его поздней книги знаменитых диалогов «О средствах против превратностей судьбы» в переводе Л.М. Лукьяновой, мнение о Петрарке в целом переменялось. Латинское наследие Петрарки, к сожалению, еще не слишком хорошо известно знатокам и любителям изящной словесности в России, но существующие переводы его латинской поэзии и прозы показывают Петрарку не только как талантливую поэта и прозаика, но и как знатока латинского красноречия и культу-

ры, носителя утонченной *latinitas* в средневековой Европе.

Переведенный нами образчик латинской прозы Франческо Петрарки относится к популярному жанру латинской христианской литературы, распространившемуся в связи с усилением волны паломников ко Гробу Господню с IV в. Описания наземных путей, подробнейшие лоции существовали уже в античном мире, и цель их была сугубо практической: они содержали «географические сведения о том, где расположены отдельные области и населенные пункты, каким образом они могут быть достигнуты из центров обитаемого мира: Греции, позднее Рима»¹.

Средневековые итинерарии практически руководством к действию не являются, хотя они и составлялись в большинстве своем реальными паломниками, не понаслышке знакомыми с тя-

¹ Мельникова Е.А. Древнескандинавские итинерарии в Рим, Константинополь и Святую землю // Древнейшие государства Восточной Европы. Восточная и Северная Европа в средневековье. М., 2001. С. 366. Об итинерариях в Святую землю см. также, например: Külzer A. *Peregrinatio Graeca in Terram Sanctam: Studien zu Pilgerführern und Reisebeschreibungen über Syrien, Palästina und den Sinai aus byzantinischer und metabyzantinischer Zeit.* Frankfurt, 1994.

готами пути. Основное содержание такого рода произведений, начиная с самого раннего из итинерариев, «Бордосского» (ок. 333 г.), связано по преимуществу с рассказами «о святынях и местах, связанных с деятельностью Иисуса Христа, апостолов, святых», а не с наиболее полной характеристикой пути².

Одним из важнейших отличий итинерария Петрарки от памятников существующей традиции состоит именно в том, что большую часть описываемых мест и достопримечательностей сам Петрарка никогда в жизни не видел. Вот как он пишет об этом на первых страницах своего «Путеводителя»: «... ты потребуешь этих записок, в которых ожидаешь услышать от меня, кто этого воочию не видел и вряд ли когда увидит, о том, что ты скоро увидишь собственными глазами». Опытный путешественник по Европе и прекрасный знаток Италии, Петрарка ни разу не был восточнее Венеции, а потому значительную долю «Путеводителя» составляет описание итальянской части пути; это отметила и Н.И. Девятайкина в единственной русскоязычной работе, где разбирается это произведение Петрарки: «Заметно, что подробность

² Мельникова Е.А. Указ. соч. С. 367.

и азартность описания падают с «движением» на Восток: из 75 упомянутых пунктов 60 приходятся на западную часть Италии... На всю Малую Азию набирается только одиннадцать»³. Таким образом, большая часть описанного и рассказанного Петrarкой в «Путеводителе» взята им из разных источников, к которым, особенно в первой части, где говорится о путешествии по итальянским землям, добавляются собственные его впечатления, в частности, воспоминания об экзамене, устроенном для кандидатов на лавровый венок во дворце короля Неаполя Роберта I. «Путеводитель» Петрарки — это вполне традиционное компилятивное произведение, «чужой» текст, точнее тексты, пересказываемые и комментируемые автором по ходу «продвижения».

В подробнейшем описании итальянской части пути, которую Петрарка знал не понаслышке, автор опирается и на известные ему античные и позднеантичные источники: на «Описательную географию» Помпония Мелы (ок. 43 г.) и на «Натуральную историю» Плиния Старшего (77/78 г.); в описании военной истории древнего Рима — на

³ Девятайкина Н.И. Открытие мира: Петрарка как первый гуманист-путешественник Возрождения. М., 2015. С. 245.

«Историю» Тита Ливия (30 г. до н.э. — 9 г.) и, в еще большей степени, на позднее переложение Ливия, сделанное Луцием Аннеем Флором (II в.); в изложении фактов жизни римских императоров — на «Жизнь двенадцати цезарей» Гая Светония Транквилла (ок. 121 г.). Часто Петрарка излагает сведения без прямой ссылки на источник, указывая лишь, что «существует мнение», «говорят», «считается» и пр. Одним из частых источников такого рода «общеизвестных» сведений являются «Достопамятные деяния и изречения» ритора Валерия Максима (I в.), который, в свою очередь, опирается на произведения Цицерона, Саллюстия, Варрона и других, часто не дошедших до нас римских авторов.

Многие из перечисленных выше источников зафиксированы в личной библиотеке Петрарки, некоторые содержат его собственноручные пометы. Все это свидетельствует и о несомненной начитанности великого итальянца в названных авторах, и об интертекстуальной природе «Путеводителя».

Есть и другое существенное отличие от других, более ранних образчиков этого жанра. «Путеводитель» Петрарки адресован не всем европейским паломникам, когда-либо пожелавшим

бы совершить это столь «желанное, священное и необходимое» путешествие «ко гробу, где лежал Тот, Чья временная смерть породила для нас бессмертие и вечную жизнь». Это произведение написано на заказ и обращено к конкретному человеку, другу и родственнику Петрарки миланцу Джованни Манделли, мэру Бергамо, отправляющемуся в Иерусалим. Из текста «Путеводителя» следует, что Манделли предлагал Петрарке совершить паломничество вместе, но тот отказался, убоившись морской болезни.

Обращение автора к конкретному человеку, более того, к другу, накладывает отпечаток на стиль текста. «Путеводитель» написан в духе дружеского послания, в нем часты отсылки к личности адресата. И то, что Петрарка постоянно ссылается на различные античные и новые источники по истории, литературе и географии, часто даже без упоминания названий и имен авторов, говорит о том, что он разговаривает с человеком своего круга, весьма образованным и начитанным.

Перевод был выполнен нами по позднему немецкому двуязычному изданию 1999 года⁴, кото-

⁴ Francesco Petrarca: *Itinerarium ad sepulcrum Domini nostri Iesu Christi*. Stuttgart, 1999.

рое опирается на итальянские публикации итинерария⁵. Номера глав указаны в тексте перевода в квадратных скобках.

Е.А. Разумовская

⁵ Lumbroso G. L'Itinerarium // Atti Reale Accademia dei Lincei. Ser. 4, vol. 4, 1888. P. 390-403; Francesco Petrarca. Itinerario in Terra Santa (1358). A cura di F. Lo Monaco. Bergamo, 1990.

ФРАНЧЕСКО ПЕТРАРКИ ПУТЕВОДИТЕЛЬ КО ГРОБУ ГОСПОДА НАШЕГО ИИСУСА ХРИСТА

[1] Чрезвычайно редко исход событий отвечает нашим надеждам, часто заранее обдуманное идет не так, случается совершенно неожиданное, и это никого не должно удивлять, скорее следует удивиться, если происходит иначе. Если началом дела управляет разум, то конец определяет фортуна, а более противоположного разуму, чем фортуна, нет ничего. И вот ткань наших планов, которую искусно соткал разум, фортуна внезапно рвет раньше времени. О если бы это нуждалось в доказательстве! О если бы жизнь человеческая не была наполнена жалобами настолько, что ей уже не нужно было бы оплакивать почти ничего другого!

[2] Но обращаюсь к нашему предмету. Ты выбрал меня (признаюсь, я и сам сильно желал этого) своим спутником. Ведь нет более желанной и более священной дороги, нет путешествия более нужного, чем путешествие ко гробу, где лежал Тот, Чья временная смерть породила для нас бессмертие и вечную жизнь, к могиле, где, если можно так сказать, погребены вместе побежденная смерть и победительница-жизнь. О благой путь и завидная для христианской души картина!

FRANCISCI PETRARCAE
ITINERARIUM AD SEPULCRUM DOMINI
NOSTRI IESU CHRISTI

[1] Raro admodum spei nostrae rerum exitus respondent, saepe praemeditata destituunt, insperata contingunt; neque id mirum cuiquam esse debet, mirum potius, si quid aliter accidat. Siquidem ratio principia rerum regit, eventum fortuna moderatur, nihil autem magis adversum rationi quam fortuna. Itaque saepe telam, quam ingeniose illa quidem ordita erat, haec impetuose ante tempus abrumpit. Quod probatione utinam egeret neque iis querelis adeo vita hominum plena esset, ut iam fere nil aliud ingemiscat!

[2] Sed ut ad rem nostram veniam, decreveras quidem me volentem, fateor, optantemque viae comitem habere. Nam quae usquam optabilior aut sanctior via est, quae iustior peregrinatio, quam ad sepulcrum, ubi ille iacuit, cuius temporalis mors immortalitatem nobis et aeternam vitam peperit, sepulcrum, ubi, si dici fas est, et victa mors simul et victrix vita sepulta est? O beatum iter et invidiosum christiano animo spectaculum!

И вот теперь я не знаю, на замки каких грехов я заперт и какие крючки меня держат. [3] «Стыд безмолвный, — как сказал Флакк¹, — мешает говорить», — но властная истина приказывает высказаться и вынуждает, чтобы я подчинился. Хотя меня удерживают многие причины, нет более сильной, чем страх перед морем. Не то чтобы я более, чем прочие смертные, был жаден до жизни и более боялся смерти или полагал, что смерть на суше предпочтительнее, чем на море: ведь не в месте, а в душе то, что делает нас счастливыми или несчастными. Я понимаю, что умереть можно везде, но я не знаю, где умереть лучше. Напрасно мы бежим от войн и морей, напрасно избегаем тяжких трудов и щадим бранные тела: ненавистная смерть проникает и в тайные убежища сластолюбцев, и в самые покои царей, и часто бывает так, что усердный труд отдаляет её, а праздная роскошь приближает. [4] Как бы то ни было, однажды всем предстоит умереть. И как непозволительно призывать свою смерть, так желание избежать её — безумие, желание отсрочить — слабость, а ждать со спокойной душой, как будто она всегда близко и может настичь в любой час, — вот высшая добродетель и долг истинного мужа. Каждому очень хотелось бы избежать предстоящей смерти, но на деле это стремление к

Hinc ego nunc nescio, quibus peccatorum vectibus arceor uncisque detineor. [3] Infans quidem, ut Flaccus ait, pudor loqui prohibet, sed imperiosa veritas fari iubet et, ut paream, cogit. Cum multae igitur me teneant causae, nulla potentior quam pelagi metus. Non quod aut vitae cupidior aut timidior mortis sim quam ceteri mortales aut terrestrem mortem maritimae praeferendam rear: non enim in loco, sed in animo est, quod felices facit et miseros. Et cum ubique moriendum sciam, ubi mori sit melius ignoro. Frustra bellum et maria vitamus, frustra labores fugimus perituroque parcimus corpusculo: in medias voluptuosorum latebras inque ipsos regum thalamos invisa mors penetrat et saepe, quam forte labor et exercitium distulissent, iners luxus anticipat. [4] Semel utique moriendum est. Et hanc mortem ut arcessere vetitum, sic evitare velle dementia est, procrastinare mollities, at aequanimiter expectare tanquam ubique proximam et horis omnibus affuturam, ea virtus eximia est verumque viri opus. Secundam mortem omni nisu fugere consilium est, sed ita res se habet: ad impossibilia studium omne conversum est. Non mori, non aegrota-

невозможному. Никто не хочет умирать, болеть, страдать, печалиться, быть рабом или нищим, а не грешить никто не хочет, хотя грех и есть истинная и главная причина и смерти, и болезни, и страдания, и скорби, и рабства, и нужды.

[5] Теперь кто-нибудь, пожалуй, скажет: так если ты не боишься смерти, чего же ты боишься? Я боюсь долгого умирания и того, что хуже смерти, — морской болезни. И не без причины, а зная по опыту. Сколько раз, ты думаешь, я бросал вызов этому чудовищу, всякий раз в надежде, что привычка или победит, или усмирит натуру? Ты спросишь, удалось ли это? Бояться меньше я не стал, но, скорее, плаванием по морю удвоил пытку. Возможно, сама природа обуздала неугомонную душу и глаза, жадные до созерцания нового. [6] И вот теперь меня страшит встреча с врагом известным, которого в молодости я, может быть, не так боялся, хотя боялся всегда и с каждым днём боюсь всё больше, вид которого, однако, восхищает меня настолько, что я цепенею и боюсь даже приблизиться. Именно этот страх удерживает меня здесь. Моему желанию сопровождать тебя завидует Фортуна. И нелегко предположить, что когда-нибудь любовь к тебе сможет победить мой страх.

[7] Итак, ты отправишься без меня и увидишь многое, воспоминание о чем, пока ты жив, будет

re, non laborare, non dolere, non servire, non egere volunt omnes, non peccare vult nullus, cum ea vera et maxima mortis et aegritudinis et laboris et doloris et servitutis et penuriae causa sit.

[5] Mihi vero nunc forte dicat aliquis: si mortem ergo non metuis, quid metuis? Longam mortem et peiorem morte nauseam, non de nihilo quidem sed expertus, metuo. Quotiens, putas, illud monstrum retentavi, si forte naturam consuetudo vel vinceret vel leniret? Si quid profecerim, quaeris? Non metum minui, sed geminavi potius cum navigatione supplicium. Hoc forsitan animo vago et rerum novarum visione inexplebili oculo frenum posuit natura.

[6] Congressum itaque nunc noti hostis exhorreo, quem non sic iunior horruissem, horrui autem semper, sed in dies magis, cuius prospectu tamen adeo delector, ut, quem vel tangere abominor, quam cupide videam, stupor ingens sit. Iste me nunc metus hic detinet. Exoptatum mihi comitatum tuum invidet fortuna. An unquam vero posthac metum hunc victura sit caritas, subdifficilis coniectura est.

[7] Ibis ergo sine me et multa conspicias, quorum